

танцев⁵. Так, заведующий Ханты-Мансийским окружным отделом культуры в 1973 г. просил областной Дом народного творчества «помочь в обработке, создании танцев на основе народных движений, отображающих героико-наших дней, в обработке мелодий и на их основе создания музыкальных произведений для оркестров, ансамблей в создании специальных национальных программ...»⁶, которые затем неправомерно выдавались за народное творчество ханты, манси, ненцев, селькупов и других северных народностей.

Таким образом, можно утверждать, что приобщение северных народностей к «цивилизации» обернулось для них настоящим крушением всего образа жизни. Годы запретов на проведение обрядов и празднеств, таких как «медвежья игрища», привело к потере значительной части древнейшей самобытной культуры, поскольку религиозное искусство народов Обского Севера, по мнению этнографа и историка В.Н. Чернецова, «хотя и путалось в незрелых языческих верованиях, но жило веками, питая эстетические чувства и художественное творчество северян»⁷.

В результате непродуманного вмешательства в экономическое и культурное развитие коренных народов, их традиционная культура практически повсеместно была нарушена, что повлекло за собой потерю духовных ценностей и деградацию личности многих северян.

Примечания

1. ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 560. Л. 91.
2. Подсчитано по: ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 554. Л. 535, 878; ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 893. Л. 9.
3. Подсчитано по: ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 824. Л. 6, 117; ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1028. Л. 15, 16.
4. См.: Шесталов Ю.Н. Крик журавля. Свердловск, 1990. С. 192–193.
- 5 См.: Там же. С. 200.
6. ГАОПОТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 200. Л. 9.
7. Тимофеев Г.Н. Музы народов Югры: очерки по истории художественной культуры народов Обского Севера. Сургут, 1997. С. 9.

М.А. Фельдман (УрАГС)

К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНОМ УРОВНЕ РАБОЧИХ УРАЛА В 1900–1917 гг.

Трудно найти в исторической литературе советского периода тему более популярную, чем история рабочего класса. Не являлась исключением и история рабочих промышленности Урала. С конца 90-х гг. XX в. наблю-

дается всплеск интереса к рабочей истории, отмеченный А.К. Соколовым¹. Вместе с тем, в литературе сохраняются устойчивые штампы, адресованные соответствию рабочего класса Урала критериям рабочих индустриального общества², отдельным характеристикам социокультурного уровня рабочих Урала³. Недостаточно разработано само понятие «социокультурный уровень».

Как представляется, многое в уяснении названных характеристик зависит от выяснения степени завершения промышленного переворота на Урале. Наше, подготовленное к публикации, исследование, посвященное истории промышленного переворота на Урале, привело к следующему выводу. В промышленности Урала к 1914 г. качественные изменения в технологии, технике, энергетических мощностях, соответствующие понятию «технической стороны промышленного переворота», произошли на ряде крупных предприятий металлургии и металлообработки Урала; в отдельных подотраслях горной промышленности (добыча меди, золота, платины). С учетом роли названных предприятий можно говорить о решающих успехах процесса промышленного переворота в этих отраслях к 1914 г., но не о его завершении. Наш вывод подтверждает и состояние транспортной инфраструктуры в крае⁴, и сохранение древесноугольной металлургии в качестве базовой отрасли региона, что в принципе затрудняло завершение промышленного переворота.

Что же касается горнодобывающей отрасли, то специалисты прямо указывали на слабую механизацию уральской горной промышленности, «в которой главная масса работ до сих пор ведется довольно примитивно, главным образом за счет мускульной силы рабочего»⁵. В горнодобывающей отрасли, за исключением добычи платины, следует говорить о начальной стадии промышленного переворота. В еще большей степени такой вывод касается лесозаготовок.

Неравномерность развития, незавершенность промышленного переворота в промышленности Урала в целом не могли не сказаться на социальной стороне промышленного переворота. На несовпадение процессов технической и социальной сторон промышленного переворота, в частности, на отставание хода формирования рабочего класса, еще в 1958 г. указал Л. Иванов⁶. Пример Урала служит наглядным подтверждением этого тезиса. Так, на едва ли не самом передовом предприятии региона – Надеждинском заводе – к 1914 г. большую часть контингента металлургов составляли «привозные рабочие, главным образом, зыряне и татары», срок работы которых, как правило, не превышал года⁷. Удельный вес местных рабочих составлял 40–50%⁸. Только формировались рабочие коллективы новых медеплавильных заводов Урала, построенных перед вой-

ной. Например, на крупном Нижне-Кыштымском заводе на 1 января 1914 г. насчитывалось всего 338 рабочих⁹. Основную массу шахтеров Урала до 1912 г. составляли крестьяне-отходники приуральских и Казанской губерний. Процесс формирования постоянных рабочих кадров в отрасли был прерван масштабной мобилизацией в армию летом 1914 г.¹⁰

Заметно прослеживались различия между положением рабочих весьма немногих (10–12) крупных современных заводов и массы мелких устаревших заводов, не сумевших приспособиться к рыночным отношениям. В рабочей среде края сложилась категория квалифицированных тружеников, связанная со сложными технологическими операциями, занятая на крупных казенных и частных заводах, относительно высокооплачиваемая, стремящаяся сохранять и передавать «по наследству», от отца к сыну, свои рабочие места. По нашим подсчетам к ней относилась примерно 1/5 рабочих цензовой промышленности региона. Специфику квалифицированных уральских рабочих-металлистов, как правило, местных, т. е. живущих длительный срок в одном поселении, определяли владение значительными земельными участками, собственным жильем, и – в казенных горнозаводских округах – гарантии социальной защиты. Эта категория рабочих отличалась от остальных по одежде, домашней обстановке, бытовому поведению, имела более высокий образовательный уровень¹¹.

Однако, существовал и целый ряд общих структурообразующих признаков для рабочих крупной промышленности Урала в целом: низкий уровень механизации производственных процессов, и, как следствие, преобладание тяжелого ручного труда, фрагментарный характер социальной защиты, ряд других¹²; а также относительно невысокая грамотность рабочих промышленности Урала (57,2 % в 1913 г.) Даже на передовых предприятиях края удельный вес рабочих с начальным образованием был невелик¹³. В силу сказанного, выскажем мнение, что в коллективах горнозаводской промышленности преобладали рабочие переходного этапа от мануфактурной к фабрично-заводской эпохе.

Иной социальной группой являлись рабочие горнодобывающей промышленности. Заметим, что даже в казенных округах рудное хозяйство оставалось маломеханизированным¹⁴. Характерная деталь: как и в эпоху крепостного права, в 1913 г. горнопромышленники были обязаны заботиться и выплачивать в течение года жалование 33 511 рабочему закрытых рудников¹⁵. Закономерно, что формирование отраслевых отрядов постоянных рабочих кадров на шахтах и рудниках не было завершено к 1914 г.¹⁶, а среди тружеников горной отрасли преобладали рабочие мануфактурной эпохи.

Особой социальной группой, состоявшей в основном из крестьян-сезонников, являлись вспомогательные рабочие за пределами заводской черты, прежде всего, занятые в лесозаготовительном производстве. Наличие столь различных социальных групп подводит к выводу о том, что понятие «рабочий класс Урала» применительно к 1914 г. следует рассматривать как статистическую, но не как реальную социальную общность. В противном случае, надо каждый раз оговариваться: о каком же социальном слое рабочих идет речь. Историческая практика 1918–1919 гг. показала наличие столь существенных социально-политических противоречий между различными социальными слоями рабочих промышленности Урала (например, между рабочими индустриального типа, владеющими собственностью, и группами новых, маргинальных пролетариев¹⁷), что привела значительные массивы рабочих и к красному, и к белому лагерям. Как представляется, проблема сохранения собственности, привилегий сословного характера внутри рабочего социума, нуждается в дополнительном изучении.

Первая мировая война показывает, что очевидное ускорение наращивания энергетических мощностей¹⁸, производственного оборудования в целом в промышленности Урала¹⁹ могут причудливо сочетаться с такими явлениями, как деформация, ухудшение качества рабочих коллективов²⁰, нарушением рыночных процессов, конфликтом предпринимателей и властных структур, а в целом, – откатом назад от того потенциала социального партнерства, которое общество накопило за десятилетия после 1861 г.

К малоизученным проблемам следует отнести, прежде всего, картину развернутых характеристик социокультурного уровня названных отрядов рабочих Урала к 1914 г., т. е. индустриальных, мануфактурных, домануфактурных. Требуется изучения сам процесс эволюции перехода от одной качественно отличной категории рабочих к другой.

Особой задачей следует назвать изучение превращения крестьян-отходников в постоянных рабочих: при общей прогрессивной оценке такого процесса зачастую невидимыми остаются деформационные явления в социально-бытовой и социокультурной сферах.

Освобождение от идеологического диктата позволяет дать объективную оценку влияния владения земельными участками, собственным жильем на широкий массив уральских рабочих. Такое владение позволяло выжить в суровых условиях Урала. Но содействовало ли оно росту культурного уровня рабочих?

Требуется и комплексного изучения вопросы культурного развития, социального и политического поведения рабочих казенных горнозаводс-

ких округов Урала на всем протяжении периода промышленного переворота. Имеет смысл проследить названные процессы на этапе 80-х гг. XIX в. – 20-х гг. XX в.

Задачей особой сложности является выявление влияния друг на друга характеристик социокультурного уровня названных отрядов рабочих Урала; проблемы взаимодействия рабочих и уральского казачества, прежде всего в Оренбуржье; анализ сближения социальных черт квалифицированных, постоянных, местных рабочих и заводских служащих и интеллигенции. Решение таких задач будет способствовать исчезновению мифологизированной истории рабочего класса.

Примечания

1. Соколов А.К. Перспективы изучения рабочей истории в современной России // Отечественная история, 2003. № 4, 5.
2. См. Гаврилов Д.В. Диссидентская «теория многоукладности»: испытание временем на достоверность и жизнеспособность // Урал индустриальный. Пятая региональная научная конференция. Екатеринбург, 2003. С. 5–22.
3. См. например: Коробков Ю.Д. Трудовая этика уральских рабочих в конце XIX – в начале XX века // Индустриализация в СССР: уроки истории. Материалы научной конференции. Челябинск, 2003. С. 114–117.
4. Мусихин В.Е. Транспортный кризис и его влияние на состояние топливно-сырьевой базы уральской горнозаводской промышленности в 1914–1917 гг. // История и культура Волго-Вятского края. Киров, 1994. С. 221–222.
5. См.: Шефтель А. Тепловое и силовое оборудование Урала // Горный журнал, 1925, № 7. С. 558.
6. Иванов Л.М. К вопросу о формировании промышленного пролетариата в России // История СССР, 1958. С. 4.
7. Материалы по районированию Урала. Т. III. С. 180.
8. Буранов Ю.А. Промышленность и рабочие Урала в 1890–1917 гг. (по материалам Богословского округа). Дис. канд. ист. наук. Свердловск, 1967. С. 56.
9. См.: ГАСО.Ф.1- р. Оп. 1. Д. 108-а. Л. 142–143.
10. Дмитриев В.А. Рабочие угольной промышленности Урала в период империализма (1900–1917 гг.) // Положение и борьба рабочих Урала в период капитализма. Свердловск, 1989. С. 71, 72.
11. Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941. (численность, состав, социальный облик). Екатеринбург, 2001. С. 99–116; 123–127.
12. Там же. С. 85.
13. Там же. С. 121–124.
14. См.: Ляпин В.А. Златоустовский горный округ в период экономического подъема 1909–1913 гг. // Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблемы. Свердловск, 1990.
15. См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1608. Л. 72–73.

16. См. например: Дмитриев В.А. Рабочие угольной промышленности Урала в период империализма (1900–1917 гг.).
17. О различиях понятий «пролетарии» и «рабочие» см.: Скоробогатский В.В. Россия на рубеже времен: новые пути и старые вехи. Екатеринбург, 1997. С. 160.
18. За 1914–1917 гг. на Урале произошло удвоение энергетических мощностей в промышленности. См.: Залесский С.А. Черная металлургия Урала в годы Первой мировой войны. С. 163; Ермаков А.В. Развитие электроэнергетической базы уральского региона в первой трети XX века. С. 334.
19. См.: Залесский С.А. Черная металлургия Урала в годы Первой мировой войны.
20. См.: Фельдман М.А. Рабочие Урала в 1914–1922 гг. // Вопросы истории, 2001. № 10.

Е.И. Черевако (ТГУ)

ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

В годы Великой Отечественной войны наряду с решением военных и хозяйственных задач советское правительство уделяло внимание женщинам. Прежде всего решались вопросы, связанные с охраной здоровья женщин-матерей и детей. В самый разгар войны, 8 июля 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного знака «Мать-героиня» и учреждения ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». К началу 1946 г. почетное звание «Мать-героиня» было присуждено 5850 женщинам, родившим и воспитавшим десять и более детей. Орденом «Материнская слава» и медалями материнства были награждены более 750 тысяч женщин. На территории Тюменской области с 1945 по 1947 гг. всего было выплачено государственных пособий многодетным и одиноким матерям в размере 2882920 руб.

Однако уже к 1947 г. правительством было принято решение о снижении государственных пособий многодетным и одиноким матерям. Они были уменьшены примерно наполовину. Официально это объяснялось ростом покупательной способности рубля. В результате размер государственного пособия одиноким матерям снижался со 100 руб. в месяц на одного ребенка до 50 руб.; со 150 руб. на двух детей до 75 руб.; с 200 руб. на трех и более детей до 100 руб.

Но уже в 1949 г. Президиум СССР вновь издает указ «Об улучшении дела государственной помощи многодетным и одиноким матерям и улуч-